

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Theory and History of Law and State, History of Law and State Studies

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-6-22

EDN: ATNSCV

Оригинальная научная статья

Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие уголовного процесса в начале XX века

А. Я. Козинцев

Санкт-Петербургский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ balsak1@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе комплекса архивных материалов показана эволюция взглядов известного российского юриста Анатолия Федоровича Кони в 1900–1910 гг. на сущность и принципы уголовного процесса. А. Ф. Кони развивал свой творческий потенциал в трех аспектах: практическом, теоретическом и законодательном. В начале XX в. на первый план выступает его теоретическая и законодательная деятельность. Как практический юрист он активно участвовал в составлении комментариев к Уставу уголовного судопроизводства (давал научную оценку заключительным прениям в суде, обвинительной речи прокурора, частному обвинению, защитительной речи адвоката, заключению прокурора в кассационном производстве и пр.). В качестве участника законодательного процесса Кони отстаивал в Государственном Совете (в начале 1910-х гг.) законопроекты, направленные на улучшение процессуального права. Выступал за сохранение обряда предания суду, настаивал на изменении разъяснения присяжным заседателям вопроса о наказании в отношении обвиняемого, ограничении полномочий мирового судьи и пр. Особенно активно роль А. Ф. Кони как сенатора проявилась в 1917 г., когда, будучи председателем подкомиссии по изменению Устава уголовного судопроизводства, он оказал решающее влияние на изменение судебного процесса в России. Значительный вклад в развитие основ уголовной юстиции внесла работа А. Ф. Кони «Судебная этика». В ней он установил высокую этико-правовую планку поведения для всех участников процесса. В исследовании подробно разбираются те правовые институты уголовного процесса, которые стали объектом изучения со стороны сенатора. В том числе принципы процессуального права, порядок рассмотрения дел о преступлениях печати, процедура обряда предания суду, порядок разъяснения присяжным заседателям последствий вынесенного ими приговора, статус частного поверенного, статус прокурора в суде и пр. Отдельно рассматриваются представления сенатора об эволюции процессуальных норм. Целью данной работы является установление вклада А. Ф. Кони в развитие уголовного судопроизводства через его научную и законодательную деятельность. При подготовке публикации использовался проблемно-хронологический и исторический методы.

Ключевые слова: Сенат; стадия предания суду; Государственный Совет; присяжные заседатели; заключительные прения; частный обвинитель; речь адвоката; речь прокурора; Устав уголовного судопроизводства; судебная этика.

© Козинцев А. Я., 2022

Для цитирования: Козинцев А. Я. Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие уголовного процесса в начале XX века // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-6-22>. EDN: <https://elibrary.ru/atnscv>

Original scientific article

The Contribution of Anatoly Fedorovich Koni to the Development of the Criminal Process at the Beginning of the 20th Century

A. Ya. Kodintsev

*Saint Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ balsak1@yandex.ru

Abstract. Based on a set of archival materials, the article shows the evolution of the views of the famous Russian lawyer Anatoly Fedorovich Koni in the 1900-1910's on the essence and principles of the criminal process. Koni developed his creative potential in three aspects: practical, theoretical and legislative. At the beginning of the twentieth century, the theoretical and legislative activities of the senator came to the fore. As a practical lawyer, he actively participated in the drafting of comments on the Charter of criminal proceedings (where he gave a scientific assessment of the final debate in court, the accusatory speech of the prosecutor, the private prosecution, the defense speech of the lawyer, the conclusion of the prosecutor in cassation proceedings, etc.). As a participant in the legislative process, Koni defended in the State Council (in the early 1910s) bills aimed at improving procedural law. He defended the preservation of the rite of trial, insisted on changing the clarification to jurors of the issue of punishment for the accused, limiting the powers of the justice of the peace, etc. The role of the senator was especially active in 1917, when, as chairman of the subcommittee to change the Charter of Criminal Procedure, Koni had a decisive influence to change the judicial process in the Russian Republic. A huge contribution to the development of the foundations of criminal justice was made by the work of Anatoly Fedorovich – Judicial Ethics. In it, he set a high ethical and legal standard of conduct for all participants in the process. The study analyzes in detail those legal institutions of the criminal process that have become the object of study by the senator. Including the principles of procedural law, the procedure for considering cases of crimes of the press, the procedure for the rite of passage to court, the procedure for explaining to jurors the consequences of their sentence, the status of a private attorney, the status of a prosecutor in court, etc. The senator's ideas about the evolution of procedural norms are considered separately. The purpose of this work is to establish the contribution of A.F. Koni in the development of criminal justice through his theoretical and legislative activities. In preparing the publication, the problem-chronological method, as well as the historical method, were used.

Keywords: Senate; the stage of bringing to trial; State Council; jurors; closing debate; private prosecutor; lawyer's speech; speech of the prosecutor; Criminal Procedure Charter; judicial ethics.

For citation: Kodintsev A. Ya. The Contribution of Anatoly Fedorovich Koni to the Development of the Criminal Process at the Beginning of the 20th Century. *Siberian Law Review*. 2022;19(1):6-22. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-6-22>. EDN: <https://elibrary.ru/atnscv> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Уголовный процесс – объект большого интереса Анатолия Федоровича Кони, в силу своей деятельности постигшего

мельчайшие элементы судебных процедур. Знаменитый юрист написал множество работ по уголовному процессу. Более того, он участвовал в выработке

стандартов в этой сфере, которые оказывают влияние и на современное уголовное судопроизводство. Неудивительно, что и советские, и современные российские ученые обращались и обращаются к трудам А. Ф. Кони. В рамках данного исследования мы отметим только некоторые из них.

При жизни А. Ф. Кони его уголовно-процессуальные изыскания редко становились объектом глубоких исследований. Как правило, они рассматривались в контексте его этической теории. В 1924 г., когда Кони исполнилось 80 лет, прошли торжественные мероприятия, вышел юбилейный сборник. Российский ученый-правовед и специалист в области уголовного права и криминологии А. А. Жижиленко сделал доклад о А. Ф. Кони как о криминалисте, указав, что Кони был ученым-практиком, эмпириком и моралистом. В своей работе «А. Ф. Кони как криминалист» он представил подробный анализ уголовно-правовых и процессуальных воззрений выдающегося российского юриста, акцентировав внимание на оценке его заслуг как юриста и судебного деятеля с непривычной стороны, а именно – как криминалиста. А. А. Жижиленко верно отмечает, что благодаря сочетанию в одном лице свойств, с одной стороны, опытного практика – судебного деятеля, горячо преданного идеям Судебных Уставов, а с другой стороны, видного ученого – юриста-догматика, закон для А. Ф. Кони не является безжизненной формулой, ведь, изучая право, он всегда имел в виду его воплощение в жизни. Оценивая значение А. Ф. Кони как криминалиста, автор анализирует его работы, относящиеся к области уголовного права, уголовного процесса и истории процесса, определяя научные убеждения А. Ф. Кони как примыкающие к классической школе уголовного права и решительно отвергающие антропологическое направление, подвергая его беспощадной критике. Интересным представляется

анализ отдельных рассуждений автора об отношении А. Ф. Кони к личности преступника, которой последний придавал огромное значение и считал, что особенно тщательно в любом уголовном деле должны быть исследованы элементы общего состава преступления, которые относятся к внутренней его стороне (вменяемость, душевные болезни преступника, намерения, умысел, заведомость, предумышленность, запальчивость и т. п.). Особое внимание уделяется вопросам особенной части уголовного права и догматическому анализу, который А. Ф. Кони дает отдельным преступлениям. Каждое преступление рассматривается А. Ф. Кони не только абстрактно, не только в том виде, в каком оно изображено в законе, но как явление, наполненное конкретным жизненным содержанием, в возможной реальной обстановке, которой он всегда придает особенное значение для оценки преступления. А. А. Жижиленко отмечает ценность А. Ф. Кони как процессуалиста, благодаря его не превзойденным до сих пор образцам обвинительных речей, резюме председателя суда, кассационных заключений и докладов по делу в кассационном разбирательстве. В работе отмечается: «Он создал нам образцы особого прокурорского красноречия без пафоса и громких фраз, но с углубленным анализом преступления и преступника». Исследуется и вопрос нравственных начал, возникающих при отправлении правосудия, по словам А. Ф. Кони, «мерилом дозвоительности приемов судового разбирательства должно служить то соображение, что цель не может оправдывать средства, и что высокая задача правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должна быть достигнута способами, не идущими в разрез с нравственным чувством». Отмечается, что, по мнению великого ученого, юристу следует изучать не только судебную практику, но и судебную этику как учение

о приложении общих понятий о нравственности к той или иной отрасли специальной судебной деятельности, и что поэтому в общий курс уголовного судопроизводства должен быть введен особый раздел, посвященный судебной этике. [1, с. 24–39]. Полная характеристика работ А. Ф. Кони содержалась в 8-томном сборнике трудов, вышедшем в 1966–1969 гг.

В последние десятилетия интерес к работам Кони возрос. В 2019 г. вышла интересная статья профессора О. Л. Васильева. Она построена в форме диалога автора с А. Ф. Кони о нравственной стороне процесса. По мнению Васильева, все основные проблемы уголовного процесса были раскрыты при А. Ф. Кони, нарушение демократических основ процесса ведет к драматическим последствиям. Эти нарушения произошли, и последствия наступили – современная реформа судопроизводства в России [2, с. 104–116].

В 2005 г. была защищена диссертация А. В. Шаповалова по правовым взглядам А. Ф. Кони на судебную реформу¹. В работе автор обращается к традиционным темам: нравственность в уголовном судопроизводстве, судебная этика, принципы уголовного судопроизводства. Исследуя влияние Кони, ученый приходит к важным выводам о причинах его популярности. Комплекс положительных качеств юриста постоянно востребован. Проведя серию социологических исследований, Шаповалов доказывает рост влияния Кони на правосознание российских юристов. К сожалению, интересное направление изучения наследия Кони не получило дальнейшего развития. Шаповалов перестал заниматься этой темой.

Современные юристы большое значение придают анализу основ уголовного процесса, используя этическую (нравственную) теорию Кони. Это работы

Ю. А. Потапова [3, с. 64–70], В. Л. Кудрявцева [4, с. 89–96]. Например, Ю. А. Потапов в своей статье перечислил условия, в которых приходится действовать судье, среди которых: доверие к судье, внутреннее убеждение судьи, судебская независимость, влияние общественного мнения и т. д. Значительное внимание А. Ф. Кони уделял качествам судьи. В их числе следование закону и нравственному долгу, ораторские способности, наблюдательность, справедливость. Кроме того, вышла наша публикация, в которой вопросы этики А. Ф. Кони связаны с уголовным процессом. Следует упомянуть серию зарубежных публикаций, в которых затрагиваются процессуальные аспекты деятельности А. Ф. Кони [5–8].

Труды одного из ведущих специалистов в области уголовного процесса Российской империи хорошо известны современным российским юристам. Между тем влияние А. Ф. Кони на уголовное судопроизводство было более значительным, чем это можно было бы предположить, исходя из его опубликованных работ. На протяжении многих лет, находясь на разных постах, он вносил проекты изменений в Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС). Большинство из них было принято высшей властью. Кроме того, в 1890-х гг. и 1917 г. А. Ф. Кони входил в состав различных государственных комиссий по переработке УУС и выдвигал множество предложений по усовершенствованию законодательства. Ведущие ученые-процессуалисты (И. Я. Фойницкий, Н. Н. Полянский, М. Н. Гернет и др.) воспринимали его как коллегу и друга. Они вместе с Кони участвовали в разработке теоретических аспектов уголовного процесса, составлении Систематических комментариев к Уставу уголовного судопроизводства.

¹ Шаповалов А. В. Правовые взгляды А. Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 209 с.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Формирование А. Ф. Кони-процессуалиста происходило во второй половине XIX в. Он занимался различными видами теоретической процессуальной деятельности — разрабатывал законодательные предположения, проводил теоретические изыскания, комментировал УУС. Накопленный опыт и багаж знаний позволил Кони перейти от практических работ в сфере уголовного процесса к теории.

Оставив все должности в Уголовно-кассационном департаменте (далее — УКД) Сената А. Ф. Кони приступил к систематизации своих знаний. Период 1901–1917 гг. был чрезвычайно плодотворным для популяризации уголовно-процессуальных законов. Сенатор делился с читателями своими знаниями о процессе и предлагал новые идеи по совершенствованию судопроизводства. В то время процессуальные работы Анатолия Федоровича включали как теоретические, так и узкопрактические исследования.

Как известно, в начале XX в. А. Ф. Кони подробно разрабатывал теорию судебной этики. При этом он неизбежно распространял этическую «линию» на процессуальные вопросы. Он формировал нравственную концепцию уголовного процесса. Это важнейшая идея, воспринятая в России, существовавшая до А. Ф. Кони, но благодаря ему внедрившаяся в сознание юристов и попавшая во многие законодательные акты, вплоть до наших дней.

В своем труде «Нравственные начала в уголовном процессе» (один из вариантов «Судебной этики», 1902) Кони утверждал, что справедливые процессуальные стандарты, утвердившиеся в XIX в., «прочно установились» [9, с. 33–34.]. Дальнейшее развитие целесообразно в сторону «этической и общественно-правовой деятельности судьи во всех ее проявлениях» [9, с. 34.]. Признавая судью центром судебной

системы, А. Ф. Кони определял три сферы его деятельности: приговор, обстановка суда, взаимоотношения с участниками процесса.

Проследивая историю свободы усмотрения судьи, ученый отмечал, что в XIX в. произошел возврат к относительной свободе античного судьи. Но в новых усложненных условиях. Судья подвержен субъективизму, давлению со стороны государства и общества. Определяя содержание приговора, судья может впасть в две крайности: либо превысит пределы, установленные законом и фактически превратится в законодателя, либо будет формально следовать букве закона. Ему необходимо определить справедливую меру наказания, род наказания.

А. Ф. Кони «поет гимн» Э. Канту. Необходимо поставить нравственный долг, счастье ближнего и собственное нравственное совершенство на первое место. Человек не может быть средством, а только целью. Уважение и эмпатия — вот ценности, на которые должен ориентироваться человек. Неуважение человеческого достоинства означает неуважение собственной души. А. Ф. Кони перечисляет нравственные примеры из УУС, в том числе: право родственников не свидетельствовать друг против друга (ст. 705 УУС), если же все-таки они дают показания, то без присяги и несут небольшую ответственность за ложные показания; священники не могут раскрывать тайну исповеди (ст.ст. 93 и 704 УУС); подсудимый имеет право молчать на суде (ст. 685 УУС), молчание не означает признания вины.

А. Ф. Кони настаивал, что необходимо учитывать тяжелое состояние подсудимого, свидетелей и потерпевшего на суде, судья должен быть внимателен, участлив, терпелив и гуманен. Более того, он требовал эстетизировать процесс, ввести в него вкус, меру и такт. Ставил вопрос об этичности использования тех или иных доказательств в процессе (не все признания

вины равнозначны, не всем данным дневников стоит доверять) [9, с. 35–60].

А. Ф. Кони рассматривал личности защитника и обвинителя. По его мнению, в России выработался свой тип обвинителя, включающий такие качества, как спокойствие, отсутствие личного озлобления, «опрятность» приемов обвинения, отсутствие лицедейства, простота языка. Автор рисует образ объективного и беспристрастного прокурора. Беспристрастность придает ему, по мнению А. Ф. Кони, черты «говорящего публично судьи». Не менее важна роль адвоката, тоже «совершенного» [9, с. 60–66].

Такой обзор позволяет предположить, что А. Ф. Кони хотел бы увидеть совершенный процесс, где закон торжественно шествует вместе с этикой (нравственностью) к победе правосудия, где учитываются мелкие нюансы настроения, мнения, потребностей всех участников процесса. А в центре этого круговорота справедливости находится мудрый человек – судья. Можно сказать, что это иллюзия, но на наш взгляд, это не так. А. Ф. Кони высоко поднимал планку и ставил работников юстиции в положение постоянно стремящихся за совершенством. Христианство предполагает постоянное совершенствование, работник правосудия также должен постоянно совершенствоваться. Сам же суд, по выражению Кони, «школа для народа, из которого помимо служения закону он должен выносить уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [9, с. 66].

ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В НАЧАЛЕ XX в.

Анатолий Федорович Кони вернулся к проблематике уголовного процесса в Государственном Совете империи. С 1905 г.

то ускоряясь, то замедляясь протекала судебная реформа. Ее частью была реформа уголовного процесса. Собственно, реформа сводилась к бесконечным мелким переделкам законодательства «на злобу дня».

Зимой 1909–1910 гг. в Государственном Совете обсуждался вопрос об отмене существующего обряда предания суду. А. Ф. Кони сделал несколько докладов по этому вопросу. Он сразу же предал проблеме первостепенное значение. Решался вопрос – отменять ли стадию предания суду, когда Судебная палата непосредственно решала, принимать ли дело к судебному рассмотрению или оставить эту функцию только за прокурором? Анатолий Федорович Кони, приводя множество примеров, доказывал, что отменять эту стадию категорически нельзя (хотя палаты отменяли только 4 % обвинительных актов, поступающих из прокуратуры). Эта дополнительная проверка следственных и прокурорских материалов была необходима. В то же время он утверждал, что необходимо ввести защиту на стадии предания суду. До второй русской революции такая защита в уголовный процесс не была введена.

Оппонировал А. Ф. Кони Н. С. Таганцев. Однако позиция последнего была подробно раскритикована Кони, утверждавшим, что в условиях несоблюдения прав человека в России еще одна гарантия прав не будет лишней [10, с. 635–669].

29 апреля 1909 г. министр юстиции инициировал внесение изменений в УУС (ст.ст. 673 и 801) по вопросу о порядке объяснения присяжным заседателям последствий принятого им решения. Предполагалось информировать присяжных о существенных обстоятельствах дела и о последствиях принятого ими решения для обвиняемого. После рассмотрения в Совете Министров и Государственной Думе проект поступил в Государственный Совет².

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 5. Д. 87. Л. 1–21.

25 февраля 1910 г. А. Ф. Кони выступил перед Государственным Советом с докладом по законопроекту об изменении разъяснения присяжным заседателям вопроса о наказании в отношении обвиняемого. Он подчеркивал, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству защитник лишен права объяснять присяжным заседателям меру наказания, которую получит обвиняемый в случае признания его виновным. Вслед за защитником по традиции от разъяснения воздерживаются судья и прокурор. Проект закона, поступивший из Государственной Думы, предполагал обязать председателя суда сообщать присяжным о такой мере.

Против законопроекта были возражения. Во-первых, утверждалось, что присяжные – судьи факта, а не права. Информация о наказании может повлиять на их решение. Однако, по мнению А. Ф. Кони, российские присяжные отчасти решают и вопрос вины. Например, в Англии вопрос факта и права вообще не разделялся, присяжных спрашивали о том согласны ли они с обвинительным актом. В Шотландии присяжные еще могли добавить: «не доказано», как и во Франции и Германии. Российское законодательство (ст. 754 УУС) прямо требовало постановки вопроса о виновности, за исключением сомнений в событии преступления или вменяемости подсудимого.

Присяжные подбирались из народа, но согласно ст. 95 Основных законов империи «никто не может отговариваться незнанием законов». Как же такое требование сочеталось с неинформированием присяжных о наказании для подсудимого? По мнению А. Ф. Кони, не сочеталось. Согласно российской уголовно-процессуальной традиции оценивалось не только само преступление, но и личность преступника. Это приводило к частым оправданиям, переквалификациям или снижению ответственности преступников (дела о детоубийстве (переквалификация

с детоубийства на сокрытие трупа), дела о паспортных преступлениях (оправдательные приговоры) и пр.). Опровергая нецелесообразность информирования, Кони указывал, что присяжные освобождались от боязни, что их используют, поскольку часто они выносили неправосудные приговоры именно в условиях неопределенности.

Отменялись ли приговоры, если присяжные узнавали о возможном наказании? Согласно определениям Сената 1866 и 1869 гг. – нет, это не был кассационный повод для отмены приговора. В большинстве случаев, как правило, присяжные знали, каким будет наказание, особенно по очевидным делам (кражи и пр.). По неочевидным делам в словах поверенного, подсудимого, его родственников содержалась информация о возможном наказании. Если же такая информация не поступала, ситуация могла развиваться двояким образом. Приговор мог быть чрезмерно строгим или чересчур мягким. Следовало, по мнению Кони, предоставить право информировать присяжных председателю и сторонам процесса. По его словам «тут надо решить определенно – да или нет!» [11, с. 677–687].

Изменения процессуального законодательства продолжались вплоть до падения империи. Так, в 1911–1912 гг. обсуждался законопроект о реформе местного суда. Кони не включили в состав особой комиссии Государственного Совета, но регулярно приглашали на ее заседания. Например, 13 декабря 1911 г. он выступал в поддержку обновленного проекта УУС. В частности с удовлетворением отмечал, что новый проект расширял полномочия мировых судей в отношении полиции, вводился судебный приказ и прочее. Участвуя в обсуждении полномочий мирового судьи, 17 декабря А. Ф. Кони выступил против мнения члена особой комиссии А. А. Нарышкина о необходимости наделения мирового судьи следственными полномочиями. По его мнению, мировой судья не обладал

соответствующей компетенцией и его решения можно было легко обжаловать. Н. С. Таганцев поддержал А. Ф. Кони и поправка А. А. Нарышкина не была принята³.

В результате А. Ф. Кони все-таки был включен в состав особой комиссии и участвовал в ее голосовании, выступал с докладами и речами. Частью реформы стало преобразование волостного суда, деятельность которого решили привести в порядок и нормативно урегулировать. Кони активно участвовал в обсуждении проекта Временных правил о волостном суде, поступившего из общего собрания Государственного Совета. Он, и 16 членов комиссии (против трех) подвергли критике ст. 59 проекта, определявшую подсудность волостного суда по преступлениям. Проект предполагал передачу части компетенции мировых судей волостным судьям. Большая часть таких преступлений следовало оставить в компетенции мировых судей, за исключением словесной обиды, которую А. Ф. Кони предложил передать в волостные суды. Интерес вызвал проект ст. 69. Некоторые члены комиссии предложили разрешить частным и присяжным поверенным принять участие в работе волостного суда. Большинство членов комиссии, включая Кони, выступили против, полагая, что это усложнит работу простого суда. Также Кони и еще 14 советников посчитали, что не следует вводить право обязательного вызова свидетелей в волостной суд (ст. 72 проекта). Изменения, вносимые в УУС и относящиеся главным образом к компетенции мировых судей, а также к расширению их судебных полномочий, Кони однозначно поддержал и голосовал «за»⁴.

История уголовно-процессуального законодательства в изложении А. Ф. Кони

Хорошо знакомый с нюансами уголовного процесса, Анатолий Федорович

Кони, используя свои обширные знания, не только описал уголовно-правовые истории из XIX в., но и в дидактической манере сформулировал основные приемы работы следователей, прокуроров, судей и адвокатов, в основе которых должна лежать нравственность. Данная информация изложена в его научно-популярных очерках, вошедших в 1912 г. в первый том воспоминаний «На жизненном пути»: «Приемы и задачи обвинения» [12, с. 94–148], «Судебные следователи» [13, с. 218–249], «Обвиняемые и свидетели» [14, с. 306–350].

Постоянная экстраполяция в прошлое натолкнула ученого-правоведа на подготовку исследования «История развития уголовно-процессуального законодательства в России» (1913 г.). Работа явилась введением к Систематическому указателю УУС, подготовка которого началась в том же году. Кони выделял три важных аспекта уголовного судопроизводства: исторический, политический и этический. По его мнению, феодальный европейский процесс являлся новым этапом после античного правосудия. Однако такое утверждение сомнительно, прямой связи между ними не было. Раннефеодальный процесс был более примитивной формой, чем античный, скорее, его можно было сравнить с раннеантичным.

А. Ф. Кони образно определял переходы статуса судей от свободы внутреннего убеждения (античность) к «ненадобности внутреннего убеждения» (средневековье), затем к предвзятости судебного убеждения (позднее средневековье), наконец к «связанности» внутреннего убеждения судьи (раннее Новое Время). Формальный процесс первой половины XIX в. в России он беспристрастно анализировал, выделяя волокиту, безграмотность, секретарский произвол, коррупцию.

А. Ф. Кони подробно анализировал проекты судебной реформы начала

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 945. Л. 379–380, 398–399.

⁴ Там же. Л. 933–940.

1860-х гг. Он выделял группы: теоретиков, подражателей, эволюционеров и практиков. Наиболее жаркие споры разгорелись из-за суда присяжных. Кони был на стороне реформаторов. Дань памяти он отдавал тем малоизвестным деятелям, которые сыграли важную роль в демократизации норм уголовного процесса: Н. А. Буцковскому и С. И. Зарудному. В итоге прений были сформированы основы УУС, которые заключались, во-первых, в полном отрицании предшествующего опыта судопроизводства, во-вторых, выражали доверие к русскому народу, в-третьих, обеспечивали максимальную защиту участников процесса.

Новый суд и Устав уголовного судопроизводства были настолько чужеродны системе, что вызвали недовольство и мощное давление. Анатолий Федорович Кони разделял все основные аспекты УУС на положительные, нейтральные и негативные. К первым относились: закон о несовершеннолетних (1897 г.), защищающий их права; расширение прав прокуроров по прекращению следственных дел (ст.ст. 528–529 УУС), ускорившие расследование преступлений; отмена лишних процедур в мировом суде; изменение функций обер-прокурора Сената при вынесении заключения (ст. 991 УУС); ограничение права отвода присяжных заседателей; отстранение из числа присяжных заседателей крайне бедных людей (ст. 82 Учреждения судебных установлений); введение единой присяги для присяжных заседателей и пр. [9, с. 317–346].

К неоднозначным изменениям А. Ф. Кони относил прежде всего искажение подсудности присяжных заседателей. Они постепенно исключались или ограничивались по делам о должностных преступлениях, против порядка управления, о злоупотреблениях должностных лиц банков, о многобрачии, об убийстве, о насильственных действиях против должностных лиц, о производстве и хранении

взрывчатых веществ и т. д. Все эти дела передавались в судебные палаты с участием сословных представителей. При этом процесс немного упрощался. Сокращалась публичность (ст. 620 УУС). Изменился порядок рассмотрения дел о государственных преступлениях, было отменено право Сената возбуждать дела против губернаторов, был затруднен вызов свидетелей со стороны обвинения [9, с. 346–348].

К негативным изменениям А. Ф. Кони относил фактическую отмену несменяемости судебных следователей, которая была предусмотрена Уставом 1864 г. Крайне вредной мерой он считал введение института земских начальников, который нарушил стройность судебной системы, в том числе кассационной практики. Дальнейшее ухудшение предполагалось в проектах комиссий Н. В. Муравьева (конец XIX в.). Предварительное следствие планировали передать в полицию, отменить апелляционное обжалование, понизить статус работников юстиции, возможно ликвидировать суд присяжных [9, с. 348–353]. Однако, обращаясь к современности (1913 г.), А. Ф. Кони с облегчением отмечал, что парламент взял курс на восстановление основ Судебных уставов. Возрождалась мировая юстиция, вновь расширялись полномочия суда присяжных с передачей ему ряда дел (о должностных преступлениях) и т. д. [9, с. 353–357].

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В 1913 г. знакомый А. Ф. Кони, молодой профессор М. Н. Гернет решил провести самую крупную научно-систематическую работу по уголовному процессу. В качестве комментаторов он пригласил ведущих ученых-процессуалистов и криминологов. В том числе Н. С. Таганцева, В. К. Случевского, С. К. Гогеля, А. А. Жижиленко, А. И. Люблинского, М. П. Чубинского, А. Н. Трайнина и др. На роль

главного комментатора Гернет «назначил» А. Ф. Кони. Сохранилась переписка М. Н. Гернета и А. Ф. Кони по комментированию УУС. Систематизация сблизила старого сенатора и молодого профессора. Их дружба продолжалась до смерти А. Ф. Кони. Всего с 1913 по 1916 гг. было подготовлено 5 выпусков, охватывающих 1 и 2 книги УУС. Шестой выпуск, который должен был охватывать 3 книгу УУС был подготовлен, но революция помешала его опубликованию. Анатолий Федорович Кони подготовил общую вводную статью, а также написал серию комментариев для разных разделов Устава. Можно сказать, что комментарии А. Ф. Кони – вершина его мысли как ученого-процессуалиста.

Таким образом, брошюра Анатолия Федоровича «Введение к систематическому комментарию УУС» предвляла 6-томный комментарий (1913 г.)⁵. В 1915 г. в 4 выпуске УУС им подготовлен комментарий к 8 главе (о заключительных прениях по судебному следствию), книге 2, разделу 4 УУС (о производстве в окружных судах).

Разбирая главу (ст.ст. 735–749-1 УУС), А. Ф. Кони, как обычно, совершил экскурс в историю вопроса и рассказал о европейской судебной практике. Во Франции после прочтения обвинительного акта председатель вновь напоминал подсудимому о выслушанном. А. Ф. Кони считал это бессмысленным действием. В англосаксонских странах обвинитель произносил вступительную речь, в которой указывал, какими доказательствами он намерен подтвердить виновность подсудимого, и приводил доказательства обвинения. В Шотландии обвинительная речь не произносилась, обвинение подсудимый получал заранее. В итоге заключительные прения, более или менее похожие, существовали в России, Германии, Шотландии и отчасти, во Франции.

Статья 736 УУС предполагала, что заключительные прения включали обвинительную речь прокурора или частного обвинителя, объяснения гражданского истца, защитительную речь защитника или объяснения самого подсудимого. А. Ф. Кони приводил перечень лиц, участвующих в заключительных прениях, а также много примеров решений Сената, расширяющих и уточняющих применение норм УУС. Например, именно решением Сената понятие гражданский истец было распространено на всех потерпевших от преступления, в том числе родственников, супруга. Он расширил перечень ответчиков, включив в него родственников и опекунов малолетних преступников, душевнобольных; господ и хозяев приказчиков и слуг; принявших наследство наследников умершего, после предания его суду; владельцев разных заводов и предприятий за вред, причиненный их служащими. Устаревшая статья не включала понятия «гражданский ответчик», содержала много неточных формулировок.

Анализируя прения, сенатор указывал, что они являются «самой живой» частью процесса. УКД в 1870-е гг. серией решений ограничил прения обстоятельствами, которые рассматривались в судебном следствии. А. Ф. Кони приводил множество случаев, когда в силу неясности норм уголовного права допускалось рассмотрение на прениях вопросов, не изученных предварительно на судебном следствии. Он также тщательно рассматривал все основные виды доказательств, разбираемых на этой стадии процесса. Количество защитников и обвинителей не имеет значения, и регулировать их число законом бессмысленно. Способ прений допускается только словесный, без чтения заготовленных заранее речей.

В статье 736¹ УУС говорилось о возможном удалении несовершеннолетних

⁵ Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства. М., 1913. 30 с.

из зала суда по особому определению. Такой случай мог возникнуть, когда появлялась угроза повреждения нравственности. Кони предлагал разделить эту статью и распределить ее в разные разделы УУС⁶.

Статья 737 УУС определяла границы и состав обвинительной речи прокурора: она не должна была выходить за пределы предмета судебного следствия. Прокурор не должен касаться вопросов, которые не были проверены на судебном следствии; не подлежащих прочтению показаний свидетелей, не допрошенных в судебном заседании; прежней судимости обвиняемого; данных обвиняемым на предварительном следствии показаний, от которых он в суде отказался. В состав речи прокурора должны были входить рассуждения о свойстве и степени вины подсудимого. При отсутствии присяжных заседателей прокурор излагал в заключительной речи не только вопрос о виновности подсудимого, но и о наказании (ст. 738 УУС). Однако он не мог представлять дело в одностороннем виде, извлекая те факты, которые изобличали подсудимого (ст. 739 УУС).

Особенно подробно А. Ф. Кони рассмотрел ст. 740 УУС. Если прокурор понимал, что оправдания подсудимого уважительны, он должен был поступить по совести, т. е. отказаться от поддержки обвинительного заключения. Аналогичных норм в европейских странах не было, это была «русская» норма, имеющая христианские корни. Разбирая речи прокурора, А. Ф. Кони, перечислял их разновидности, со знанием дела рассказывая о дидактической, эпической (точнее патетической), словообильной речи. Сенат, неоднократно апеллируя к ст. 739 УУС, указывал, что из-за неполноты, ошибочности, неправильности и односторонности речи прокурора приговор не может быть отменен. Если же при попустительстве председателя засе-

дания и под воздействием прокурора присяжные принимали решения на основании политических, племенных или религиозных побуждений, Сенат их отменял.

В УУС была определена обязанность прокурора составлять речь объективно и нравственно. Особенно важен был отказ прокурора от обвинения, когда на суде было бы установлено, что подсудимый дал признание под насилием, угрозами, обещаниями и прочими вымогательствами или желанием принять на себя чужую вину, или пострадать за свои религиозные убеждения, или прочими обстоятельствами, которые их опровергают. Сенат определял обстоятельства такого отказа: доводы защитника, опровергнувшего обвинительный акт (что технически почти невозможно) или изменение обстоятельств на суде, которые приводят к уничтожению улик и доказательств. Был возможен частичный отказ от обвинения, при этом важна мотивировка отказа⁷.

Статья 741 УУС была посвящена положению частного обвинителя в делах, которые прекращались примирением сторон. В этом случае обвинитель в силу недостатка знаний оказывался в затруднительном положении в суде. В европейских странах (Англия, Шотландия, Австрия, Германия) часто прокурор получал право поддерживать обвинение даже в случае отказа частного обвинителя или напрямую вместо него с самого начала. Существовало старое представление, что нарушение частных прав разрушало общественный порядок вообще. УУС строго отделял прокурора от частного обвинителя. Но Военно-судебный устав такое совмещение допускал. Комиссия министра юстиции Российской империи, генерал-прокурор Н. В. Муравьева предполагала почти полную замену частного обвинения на прокурорский надзор.

⁶ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1915. Вып. 4. С. 1206–1214 ; ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–8.

⁷ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий ... Вып. 4. С. 1214–1219.

А. Ф. Кони сформулировал два вопроса: обладал ли частный обвинитель правами прокурора в процессе и, в частности, мог ли он выдвинуть вместо себя поверенного, а также мог ли отказаться от обвинения, как прокурор, согласно статье 740 УУС? По его мнению, поверенный однозначно может представлять интересы частного обвинителя, обладая при этом правами прокурора: это и справедливо, и равноправно. На второй вопрос тоже стоило ответить положительно. Конечно, поверенный мог отказаться от обвинения, но в любом случае дело должно было быть прекращено с согласия частного обвинителя⁸.

На примере ст. ст. 744–745 УУС А. Ф. Кони рассматривал защитительную речь адвоката. Тут российское законодательство имело преимущество перед европейским: в отличие от последнего, УУС давал точное определение речи защитника. Это опровержение или ослабление возведенного на подсудимого обвинения. Она может содержать обстоятельства, разрывающие цепь улик, доводы, которые представляют выводы обвинителя в ином свете. Защитник должен всегда защищать подсудимого, добиваясь снисхождения к нему при его виновности.

В целом защитник не должен быть ограничен, за исключением норм ст. 745. Тем не менее, опровергая точку зрения прокурора, он мог быть слишком односторонен, освещать доказательства ненадлежащим образом, разбирать их пристрастно и неравномерно. Ослабляя доводы, защитник подводит участников процесса к определенным выводам, порождает сомнение. Эти «промахи» адвоката могут быть исправлены в напутственном слове председателя суда, которое он произносит перед присяжными заседателями.

Статья 745 УУС прямо запрещала защитнику распространяться о предметах,

не имеющих отношения к делу, соблюдать уважение к религии, закону и власти, не допускать никаких оскорбительных выражений. Сенат в свою очередь уточнил эти положения статьи. Защитник должен был быть остановлен не только в случаях, указанных в статье, но и если он извращал понятия о дозволенном и разрешенном с целью избежать правосудия; искажал представления присяжных о пределах их власти; полемизировал и критиковал председателя суда. Что относится к обстоятельствам, не имеющим отношения к делу? Это вторжение в различные житейские обстоятельства в связи с делом, а не по делу. Сенат прямо указывал, что личность подсудимого имеет значение только в связи с обстоятельствами дела. Кроме того, Сенат и Совет присяжных поверенных выносили много постановлений, запрещающих применять вульгарные, провоцирующие и оскорбительные обороты и выражения. Не допускались такие слова, как «простое сутяжничество», «пустяки и ерунда», «кумир безмозглых девиц» и т. п. Сенат запрещал адвокатам извращать понятия, применяя термины «шалость», «легкомыслие», «неряшливость», он также запрещал применять термины, «приподнимающие» присяжных в их глазах. При опорочивании государственного строя Сенат указывал, что было необходимо отличать его состав от обычной критики⁹.

При комментировании ст. 746 УУС А. Ф. Кони вновь обратился к своему выступлению 1910 г., подчеркивая, что старая редакция УУС исключала информирование присяжных заседателей о мере наказания, которой подвергнется подсудимый. В XIX в. это считалось серьезным нарушением. В итоге Государственный Совет утвердил изменения в УУС и присяжные получили право выслушивать информацию о будущем наказании.

⁸ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий ... Вып. 4. С. 1214–1221.

⁹ Там же. С. 1226–1230.

Статью 749 УУС А. Ф. Кони комментировал вместе с К. К. Случевским. В ней было закреплено положение о вопросе председателя к подсудимому о прекращении прений. Рассмотрев французский и немецкий опыт прений, он отмечал, что российский порядок прений был ближе к немецкому. Председатель суда как продолжал, так и возобновлял прения. Он мог их возобновить по требованию присяжных заседателей или прокурора. Председатель суда после прений мог возобновить допрос сторон для освежения в памяти отдельных обстоятельств дела. Как и во всех европейских странах подсудимый мог воспользоваться правом последнего слова, отказать ему в этом было противозаконно. По делам о несовершеннолетних (ст. 749¹ УУС) могли выступать их опекуны и родители¹⁰.

Комментарии А. Ф. Кони отличались тщательностью, многочисленными ссылками на решения Сената. Интересно отметить, что весь комментарий построен в форме полемики с пояснительной запиской к проекту изменения Судебных Уставов, разработанных Комиссией министра юстиции Российской империи Н. В. Муравьева в конце XIX в. Поведение судьи и прокурора А. Ф. Кони рисовал в максимально идеализированном варианте, задавая высокий уровень для работников юстиции. Уровень, которому не соответствовало большинство работников юстиции.

В 1916 г. вышли в свет комментарии Анатолия Федоровича к 3 отделению 4 главы 5 раздела 2 части УУС «О порядке рассмотрения кассационных протестов». В них он вновь возвращался к своему рапорту министру юстиции Н. А. Манасеину 1886 г. Комментируя ст. 921 УУС сенатор повторял многие из своих старых тезисов, говорил о значении прокуратуры. Увлеч-

шись, А. Ф. Кони вышел далеко за пределы указанной статьи и подробно объяснял, в каких случаях прокурор должен делать заключение.

Первоначальная редакция ст.ст. 920–921 УУС предполагала следующий порядок. После дачи заключения обер-прокурора первоприсутствующий сенатор обязан спросить участвующих в деле лиц, не желают ли они представить объяснения в защиту своих прав. После их объяснений допускался сенатор-докладчик с проектом вопросов. На практике, чаще всего, стороны выступали с возражениями против заключения обер-прокурора. Иначе говоря, прокурор ставил вопросы до прений, ему не отводилась обвинительная роль. При этом в гражданском процессе положение прокурора было иным. В УКД Сената обер-прокурор оказывался в положении обвинителя, что не соответствовало его кассационной роли. В итоге, в 1887 г. Государственный Совет по предложению министра юстиции внес изменения в ст.ст. 920–922 УУС и заключение обер-прокурора стало предоставляться после объяснений сторон процесса¹¹.

А. Ф. Кони – активный участник РЕФОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ГОДЫ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В 1917 г. в разгар бурных революционных событий Анатолий Федорович Кони привлекался к работе различных комиссий. В том числе он возглавил подкомиссию по пересмотру УУС, которая входила в состав Комиссии по восстановлению основных положений судебных уставов. В составе данной Комиссии оказались специалисты по процессу, в их числе: А. С. Зарудный (в тот момент товарищ министра юстиции), В. А. Маклаков, С. М. Зарудный, В. П. Носович (обер-прокурор УКД Сената), А. А. Жижиленко,

¹⁰ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий ... Вып. 4. С. 1230–1235.

¹¹ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М., 1916. Вып. 5. С. 1508–1513.

Н. Н. Таганцев, С. К. Гогель, М. Н. Гернет, П. И. Люблинский, Н. Н. Полянский, Л. Я. Таубер, М. П. Чубинский, П. А. Ифлянд, Н. П. Карабчевский, П. Н. Малянтович и др.¹² В состав подкомиссии по УУС входили как практики, так и теоретики процесса.

Подкомиссия особенно интенсивно заседала с 13 мая по 10 августа 1917 г., 13 мая юристы рассмотрели вопрос об оглашении показаний подсудимых в суде (докладчиком вступил В. П. Ширков). А. Ф. Кони, С. К. Гогель и Н. Н. Розин выступили против оглашения показаний, это привело бы к отказу от процессуальных прав подсудимого, давлению на него. В. П. Носович же, напротив, считал, что это возможно. П. И. Люблинский поддерживал позицию – можно, но с ограничениями. При голосовании 11 членов подкомиссии выступили против, 8 предложили внести в ст. 627 УУС указание, что показания подсудимого, данные на предварительном следствии, могут быть оглашены только по его просьбе.

Далее 20 мая 1917 г. подкомиссия заслушала доклад А. Н. Лазаренко о подсудности дел о должностных преступлениях окружным судам. А. Ф. Кони считал, что новые виды дел в окружные суды передавать было не нужно и достаточно было часть передавать в судебные палаты с участием присяжных заседателей. Члены подкомиссии Н. К. Муравьев, В. П. Ширков, М. Л. Гольдштейн и другие выступили против, определив, что должно существовать равенство для всех. В. П. Носович предложил создавать особый суд для высших должностных лиц. П. И. Люблинский предложил все дела о должностных преступлениях рассматривать только в столичных окружных судах. Состоялось единое голосование: передать все дела о должностных преступлениях в окружные суды, дела чиновников 3-х высших классов – в столичные окружные суды.

25 мая состоялся доклад П. А. Ифлянда по судебно-психиатрической экспертизе (ст. 353 УУС), в котором он предлагал ограничить количество обвиняемых. В записке врачей-психиатров А. Э. Бари, В. Н. Чехова и Л. О. Финкельштейна предлагалось допустить психиатра как обязательного участника следствия, привлечь его к участию в управлении тюрьмами. Комиссия отвергла их предложение. На общем собрании комиссии по пересмотру судебных уставов (во главе с П. Н. Переверзевым), А. Ф. Кони доложил, что подкомиссия по УУС рассмотрела общие положения УУС, а также гл. гл. 4 и 5. Комиссия успела рассмотреть вопросы: введения защиты на стадии предварительного следствия и стадии предания суду; о правах милиции на производство арестов и других принудительных мер; о дополнительном обвинении и праве общества на уголовный иск, о частной жалобе; о вызове свидетелей и экспертов, о назначении защитников; о производстве психиатрической экспертизы; об участии присяжных заседателей в определении наказания; о публичности судебных заседаний, о подсудности; о судопроизводстве по делам о малолетних.

П. Н. Переверзев просил подкомиссию закончить работу до начала августа. По докладу А. Ф. Кони комиссия одобрила без прений вопрос о пересмотре подсудности всех дел о должностных преступлениях окружным судам с участием присяжных заседателей. Его предложение о подчинении окружным судам дел о государственных, религиозных, печатных преступлениях комиссия отложила.

30 мая П. А. Ифлянд подготовил доклад по редакции ст.ст. 353–356 УУС (освидетельствование обвиняемого). А. Ф. Кони предлагал оставить ст. 353, новый вариант был слишком сложен и не вызывался практической необходимостью. Большинство членов подкомиссии проект

¹² Рукописный отдел Института русской литературы (далее – РО ИРЛИ). Ф. 134. Оп. 4. Д. 327. Л. 1–3.

по ст. 353 отвергли, в остальные внесли мелкие правки. Обсуждение этих статей продолжилось позже.

6 июня 1917 г. состоялось обсуждение ряда статей: ст.ст. 218–248, 1030–1076 УУС. После доклада А. Н. Лазаренко о подсудности решили передавать дела на военнотружущих в суды общей подсудности. Далее члены подкомиссии обсуждали вопрос о частном обвинении, о порядке вызова свидетелей в суд (часть выступала за удлинение срока вызова, часть против, решили определить срок на усмотрение суда от 1 до 2 недель). С. К. Гогель в докладе о судопроизводстве по должностным преступлениям, он призвал создавать дисциплинарные суды. А. Ф. Кони отмечал, что это замедлит начало предварительного следствия, виновные могут скрыть следы преступления и имущество, решение вопроса о преследовании отдаленной инстанцией приведет к формальному отношению, лишение начальства права дисциплинарной власти подорвет дисциплину, а дисциплинарные суды запутают судебную систему России.

События августа–сентября 1917 г. прервали работу комиссии, которая продолжилась активно в октябре. М. Л. Гольдштейн сделал доклад о введении защиты на предварительном следствии. Все были согласны, но встал вопрос о пределах следствия. А. Ф. Кони отмечал, что надо допускать защиту только на стадии предания суду. Иначе следователь, чтобы не допустить защитника к производству, постановит привлечь обвиняемого в последний момент следствия. Остальные выступили против мнения А. Ф. Кони и настаивали на привлечение защитника с момента открытия следственного производства.

Мы видим, что члены данной подкомиссии и персонально А. Ф. Кони фактически выступали законодателями,

разработчиками норм уголовно-процессуального законодательства. Эти новые нормы могли быть введены в действие постановлением Временного правительства, но история распорядилась иначе¹³.

Интерес к уголовному процессу у А. Ф. Кони был настолько велик, что он с энтузиазмом изучал эксперименты новой советской власти в этой сфере. Получив в 1922 г. первый УПК РСФСР, он написал небольшой комментарий к нему. Изначально А. Ф. Кони констатировал, что советский кодекс «лучше», чем УУС 1864 г. К его преимуществам он относил возможность вызова новых свидетелей в ходе судебного заседания, ст. 24 УПК РСФСР, которая указывала на необходимость выяснить характер отношений между преступником и его деянием, расширение прав следователя при производстве экспертизы и обеспечение прав подсудимого на активное участие в судебном заседании. К минусам УПК РСФСР он относил отсутствие в нем права подсудимого на молчание, которое в УУС присутствовало, исчезло право подсудимого при возвращении на заседание услышать точное сообщение, что происходило в его отсутствии¹⁴. Через несколько месяцев Анатолий Федорович Кони в своих заметках по судебным вопросам вновь вернулся к соотношению УУС и УПК РСФСР. Об УПК РСФСР он отзывался нейтрально и продолжал подчеркивать его преимущества, например, наличие субсидиарного обвинения, право прокурора поддерживать обвинение на всех стадиях процесса, существенное расширение прав судьи, уменьшение количества норм о правах защитника. К сожалению, разрозненные заметки А.Ф. Кони по советскому процессу не сложились во что-то законченное и так и сохранились в качестве его комментариев¹⁵.

¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1514. Л. 1–200.

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–5.

¹⁵ Там же. Д. 200. Л. 79–81.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неослабевающий интерес Анатолия Федоровича Кони к уголовному процессу показывает, что он был центральной частью его профессиональных исследований. Ни один процессуальный институт не миновал его пристального взгляда. Про судопроизводство А. Ф. Кони писал много и подробно, перемежая свои тексты большим количеством практических примеров

из западного законодательства. Для нас важны не только теоретические основы процесса, но и практические рекомендации юриста. Многие из них не утратили актуальности и в наши дни. Что касается теоретических положений, они настолько значимы, что отражаются в текущем законодательстве и к ним прибегают в поисках основы для идеологии уголовного процесса современные российские юристы.

Список литературы

1. Жижиленко А. А. А. Ф. Кони как криминалист // Анатолий Федорович Кони. 1844–1924. Юбилейный сборник. Л. : Атеней, 1935. С. 24–39.
2. Васильев О. Л. Мысли А. Ф. Кони о нравственных началах уголовного процесса: исторический анахронизм или ориентир для реформ? // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2019. № 2. С. 104–116.
3. Потанов Ю. А. Нравственно-правовые аспекты судопроизводства в творчестве А. Ф. Кони // Ученые записки Института управления и экономики. 2005. № 2 (12). С. 64–70.
4. Кудрявцев В. Л. Идеи А. Ф. Кони о нравственной составляющей в деятельности прокурора в суде через призму современного законодательства и правоприменения // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 8. С. 89–96.
5. Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln : Böhlau Verlag, 2019. 448 S. DOI: <https://doi.org/10.7788/9783412513740>
6. Ballantine E. Koni and the Russian Judiciary, 1864–1917. New Haven : Yale University, 1986. 160 p.
7. Spalinger-Bichsel R. A. F. Koni und die russische Gerichtsrhetorik. Zürich, 1993.
8. Pomar M. G. Anatoly Fedorovich Koni. Liberal Jurist as Moralism // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1996. № 1202. 47 p. DOI: <https://doi.org/10.5195/cbp.1996.66>
9. Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1967. Т. 4. 543 с.
10. Кони А. Ф. Об отмене существующего обряда предания суду // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 635–669.
11. Кони А. Ф. Разрешение объяснять присяжным заседателям угрожающее подсудимому наказание // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 677–687.
12. Кони А. Ф. Приемы и задачи обвинения // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 94–148.
13. Кони А. Ф. Судебные следователи // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 218–249.
14. Кони А. Ф. Обвиняемые и свидетели // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 306–350.

References

1. Zhizhilenko A. A. A. F. Koni as a Criminalist. In: *Anatoly Fedorovich Koni. 1844–1924 Anniversary collection*. Leningrad: Atenei Publ.; 1935. P. 24–39. (In Russ.).
2. Vasil'ev O. L. Contemplations of A. F. Koni on the Moral Principles of the Criminal Process: Historical Anachronism or a Guideline for Reforms? *The Moscow University Herald*. Series 11. Law. 2019;2:104–116. (In Russ.).
3. Potapov Yu. A. Moral and Legal Aspects of Legal Proceedings in the Works of A. F. Koni. *Uchenye zapiski Institute of Management and Economics*. 2005;2:64–70. (In Russ.).
4. Kudryavtsev V. L. The Ideas of A. F. Koni About the Moral Component in the Activities of the Prosecutor in Court Through the Prism of Modern Legislation and Law Enforcement. *Legal Science: History and the Presence*. 2018;8:89–96. (In Russ.).
5. Cordin C. *Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion*. Köln: Böhlau Verlag, 2019. 448 S. DOI: <https://doi.org/10.7788/9783412513740> (In German).
6. Ballantine E. *Koni and the Russian Judiciary, 1864–1917*. New Haven: Yale University, 1986. 160 p.
7. Spalinger-Bichsel R. *A. F. Koni und die russische Gerichtsrhetorik*. Zürich, 1993. (In German).
8. Pomar M. G. Anatoly Fedorovich Koni. Liberal Jurist as Moralism. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1996;1202:1–47. DOI: <https://doi.org/10.5195/cbp.1996.66>
9. Koni A. F. *Collected Works*. Vol. 4. Moscow, 1967. 543 p. (In Russ.).

10. Koni A. F. On the Abolition of the Existing Rite of Trial. In: *On the Path of Life. Vol. 2.* St. Petersburg, 1912. P. 635–669. (In Russ.).
11. Koni A. F. Permission to Explain to the Jurors the Punishment Threatening the Defendant. In: *On the Path of Life. Vol. 2.* St. Petersburg, 1912. P. 677–687. (In Russ.).
12. Koni A. F. Receptions and Tasks of the Prosecution. In: *On the Path of Life. Vol. 1.* St. Petersburg, 1912. P. 94–148. (In Russ.).
13. Koni A. F. Forensic Investigators. In: *On the Path of Life. Vol. 1.* St. Petersburg, 1912. P. 218–249. (In Russ.).
14. Koni A. F. Accused and Witnesses. In: *On the Path of Life. Vol. 1.* St. Petersburg, 1912. P. 306–350. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Яковлевич Козинцев, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (10-я линия В. О., д. 19, лит. А, Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2269-6788>; SPIN-код: 9315-3825; e-mail: balsak1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr Ya. Kodintsev, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (19, lit. A 10th line V. O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2269-6788>; SPIN-код: 9315-3825; e-mail: balsak1@yandex.ru

Поступила | Received
31.01.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.02.2022

Принята к публикации | Accepted
02.02.2022